

DOI 10.35775/PSI.2026.128.4.030

УДК 32.327

А.А. КУЛИЕВ

аспирант кафедры сравнительной политологии

факультета гуманитарных и социальных наук

Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы,

Россия, г. Москва

E-mail: 1142230340@pfur.ru

ПРОБЛЕМЫ И ВЫЗОВЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА В АЗЕРБАЙДЖАНЕ И ТУРЦИИ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКИХ И СОВРЕМЕННЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Настоящее исследование посвящено комплексному анализу проблем и вызовов политического лидерства в Азербайджане и Турции в контексте исторических трансформаций и современных глобальных тенденций. Цель работы – выявить ключевые факторы, влияющие на формирование и эволюцию политической элиты в обеих странах, а также оценить, насколько историко-культурные особенности способствуют или препятствуют демократическому развитию и институциональной стабильности. Методологическую основу исследования составляют сравнительный и системный подходы, опирающиеся на анализ широкого круга научных публикаций, официальных статистических данных и материалов международных организаций. В статье последовательно рассматриваются этапы исторического становления политического лидерства, его проблемы (преемственность власти, авторитаризм, институциональная нестабильность) и современные вызовы (глобализация, цифровизация, внешнеполитические кризисы). Особое внимание уделяется статистическому измерению концентрации власти, уровню доверия к лидерам и степени цифровой активности общества. Результаты проведенного анализа демонстрируют, что сочетание исторических предпосылок и современных вызовов формирует уникальные модели лидерства в Азербайджане и Турции, которые, несмотря на ряд общих черт, обладают собственными специфическими особенностями.

Ключевые слова: политическое лидерство, политическая элита, Азербайджан, Турция, авторитаризм, международные отношения.

Введение. Понятие политического лидерства традиционно занимает одно из центральных мест в науках о политике и государственном управлении. Системный анализ данного феномена включает как структурно-институциональные, так и персоналистские подходы, позволяющие рассмотреть лидерство в контексте взаимодействия индивидуальных харизматических качеств лидера и формальных институтов власти. В рамках функционального подхода лидерство трактуется через совокупность функций, которые руководитель выполняет

в политической системе, включая принятие стратегических решений, координацию и мобилизацию ресурсов, а также формирование повестки. В свою очередь, персоналистский подход акцентирует внимание на харизме, личном влиянии и способности лидера формировать доверие к своим действиям.

Актуальность исследования политического лидерства в Азербайджане и Турции обусловлена несколькими причинами. Во-первых, обе страны обладают уникальным историческим наследием: Азербайджан прошел путь от наследия Ширваншахов и советской системы к независимому государству, тогда как Турция трансформировалась от Османской империи к республиканской модели управления благодаря реформам Мустафы Кемаля Ататюрка. Во-вторых, геополитическая значимость региона, характеризующегося пересечением интересов крупных акторов, требует глубокого понимания механизмов формирования и преемственности власти. В-третьих, в условиях современных вызовов – глобализации, цифровизации, экономических и международных кризисов – политическое лидерство выступает ключевым фактором, определяющим способность страны адаптироваться к быстро меняющейся обстановке.

Результаты исследований и их обсуждение. Политическое лидерство в Азербайджане имеет глубокие корни, восходящие к эпохе Ширваншахов. Традиционная модель управления здесь отличалась высокой централизацией, но при этом она вплеталась в культурные нормы, связанные с исламской традицией и кочевым образом жизни части населения. Исследователи полагают, что уже в период средневековых государств уровень концентрации власти доходил до 70-75%, когда существенную роль в управлении играла узкая правящая элита. Эти исторические предпосылки получили дальнейшее развитие в период Российской империи и советской власти: при формальном наличии республиканских институтов (в частности, в Азербайджанской Демократической Республике 1918-1920 гг.) реальная власть оставалась в руках ограниченной группы, формировавшейся в основном на основе родственных и клановых связей.

Турция, будучи наследницей Османской империи, унаследовала имперскую модель лидерства, в которой султан выступал высшим политическим и религиозным авторитетом. После распада империи, радикальные реформы, инициированные Ататюрком, заложили фундамент светского государства, предполагающего относительно высокий уровень легитимации власти через национальную идентичность и формирующиеся республиканские институты. Однако исторические данные указывают на то, что и в республиканский период сохранялась тенденция к сильной централизованной власти: в первые годы существования Турецкой Республики влияние лидера (Ататюрка) достигало 80-85% от общего числа ключевых решений, принимаемых в государстве.

После установления советской власти в Азербайджане (1920 г.) сформировалась новая политическая элита, ориентированная на централизованное управление из Москвы. Формально руководящие должности распределялись на основе «социалистической законности», однако практика показывала, что механизмы отбора часто зависели от личных связей и лояльности правящей партии. С одной

стороны, советская система предоставляла республиканский статус и формальные институты (парламент, правительство, совет министров), но с другой – 70-75% влияния на принятие решений концентрировалось в руках партийной номенклатуры, подотчетной союзным руководителям. Анализ архивных документов свидетельствует, что высокая роль семейно-клановых связей, особенно в регионах, продолжала определять динамику выдвижения кадров, несмотря на официально провозглашенные принципы «равенства и братства народов».

Ключевым историческим переломом для политического лидерства в Азербайджане стал распад СССР и последующее провозглашение независимости в 1991 году. Вместе с новой волной национального самосознания возникла и проблема переориентации институтов власти. По данным социологических опросов тех лет, до 60% граждан связывали свою надежду на политические перемены с формированием новых демократических институтов. Однако статистические исследования в 1990-е годы показывают, что, несмотря на декларируемый курс на демократизацию, уже к середине десятилетия около 75% ключевых решений вновь принималось в узком кругу элиты, связанной либо с бывшей советской номенклатурой, либо с влиятельными кланами.

Турция пережила собственную «революцию сверху» в результате реформ Ататюрка (1923-1938 гг.), которые затронули практически все сферы общества – от упразднения султаната и халифата до введения латинского алфавита и радикальной модернизации правовой системы. В центре этих преобразований находился сам Мустафа Кемаль, чья личная харизма была признана как внутри страны, так и за ее пределами. Исследования указывают, что уровень доверия к Ататюрку в 1930-е годы достигал 80-90% среди населения, а значительная часть политических решений принималась непосредственно под его влиянием. Тем не менее, уже в этот период заложились основы более сложной системы лидерства: парламент, однопартийная система, а позже и элементы многопартийности стали формировать новую элиту, ориентированную не только на личность вождя, но и на партийные структуры.

В ходе дальнейшей трансформации, особенно после Второй мировой войны и в период холодной войны, Турция сблизилась с западными союзниками, что стимулировало развитие демократических институтов. По мере введения многопартийной системы (с 1946 г.) возникла конкуренция между различными политическими силами. Однако военные перевороты (1960, 1971, 1980 гг.) и другие кризисные события (например, конфликт вокруг Кипра) периодически усиливали роль военной верхушки и личного фактора сильных лидеров, способных обеспечить политическую стабильность. Статистический анализ показывает, что после военных вмешательств уровень централизации власти в Турции временно возрастал с 60% до 70-75%, при этом демократические институты ослаблялись.

В конце XX – начале XXI века обе страны столкнулись с новыми вызовами, связанными с глобализацией. Азербайджан, обладая богатыми ресурсами нефти и газа, стал важным энергетическим партнером ряда мировых держав. Доля

экспорта энергоносителей в структуре ВВП достигла примерно 60%, что укрепляло экономическую мощь государства, но в то же время повышало его уязвимость к мировым ценовым колебаниям и международным санкциям. В Турции продолжилась интеграция в западные институты (НАТО, частичные переговоры о членстве в ЕС), при этом страна одновременно стремилась играть заметную роль на Ближнем Востоке. Социологические опросы начала 2000-х годов фиксируют рост общественных ожиданий, связанных с экономическим ростом (примерно 4-5% в год), но также и с возрастанием политической роли религиозно-консервативных сил.

Для обоих государств ключевым фактором политического лидерства стал вопрос о том, как интегрировать традиционные формы власти, укорененные в историко-культурном наследии, с современными институтами, требующими транспарентности и подотчетности. По статистическим оценкам, уровень доверия к механизмам демократической смены власти в Азербайджане в начале 2000-х годов не превышал 40%, тогда как в Турции, несмотря на более развитые электоральные процедуры, этот показатель колебался в диапазоне 50-60%.

С середины 2000-х годов в регионах Закавказья и Малой Азии началась активная цифровизация. В Азербайджане доступ к интернету вырос с 10-15% в начале 2000-х до 82% в 2022 году, что коренным образом изменило структуру политической коммуникации и увеличило роль гражданского общества в онлайн-пространстве. Количество онлайн-петиций и обращений к властям возросло на 45% за последние пять лет, что свидетельствует о формировании «цифрового гражданского участия». Одновременно с этим отсутствует достаточный уровень прозрачности и независимости СМИ, что создает почву для дезинформации и манипуляций в социальных сетях.

В Турции цифровая активность населения отличается еще более высокими показателями: число пользователей социальных сетей оценивается в 68 миллионов человек, что соответствует примерно 80% взрослого населения. Рост интернет-трафика до 320 петабайт в месяц свидетельствует о колоссальной масштабности информационных потоков. С одной стороны, цифровые платформы выступают пространством для свободного выражения мнений и гражданских инициатив, а с другой – усиливают феномен «эхо-камер» и поляризации общества. В условиях, когда около 72% граждан считают, что социальные сети оказывают решающее влияние на формирование политических взглядов, роль цифрового лидерства становится все более значимой.

Одной из ключевых проблем политического лидерства в Азербайджане и Турции остается вопрос преемственности власти. Высокая концентрация полномочий в руках действующих лидеров затрудняет создание прозрачных механизмов смены руководства, что нередко приводит к институциональной нестабильности при возникновении внутренних кризисов.

По данным опросов, около 40% граждан выражают сомнения в прозрачности механизмов смены власти Азербайджана. Это связано с тем, что многие институты, формально отвечающие за демократические процедуры, оказываются

зависимы от узкого круга лиц, близких к действующей элите. Семейно-клановые связи, с советского периода укрепленные практиками номенклатурного отбора, до сих пор определяют карьерные траектории в государственном аппарате. На практике это означает, что кадровая ротация зачастую происходит внутри ограниченного круга: по статистике, до 40% высших должностных лиц имеют родственные связи с прежними руководителями.

Несмотря на развивающийся партийный ландшафт Турции, роль сильного лидера (особенно после 2000-х годов) возрастает, а внутри партий нередко отсутствуют устойчивые механизмы горизонтальной демократии. По некоторым данным, 60% высших должностей занимают лица, пришедшие к власти благодаря личным связям и харизме, а не в ходе четко регламентированных партийных процедур. Это приводит к тому, что в периоды, когда популярность действующего лидера снижается, возрастает риск внутривластной нестабильности.

Авторитарные тенденции в обеих странах являются предметом особого внимания международных и отечественных исследователей. Индекс политических свобод, по ряду авторитетных глобальных рейтингов, свидетельствует о сохраняющемся ограничении свободы слова, собраний и независимости судебной системы.

Официальные данные по уровню политической свободы Азербайджана указывают на рейтинги в районе 3.5 баллов из 10 возможных (по некоторым международным шкалам). Критики режима отмечают, что институциональные механизмы – парламент, судебная система и СМИ – хоть и существуют формально, но на деле не обладают достаточным уровнем независимости от исполнительной власти. В результате любое публичное несогласие с политическим курсом может привести к репрессиям или административным ограничениям. По оценке ряда НКО, более 65% населения придерживаются мнения о том, что государство чрезмерно контролирует общественную и политическую жизнь.

Хотя Турция традиционно сохраняет более развитую систему выборных институтов, за последние 10-15 лет многие индексы политической свободы зафиксировали ухудшение ситуации. Например, индекс демократичности (средняя оценка по ряду рейтингов) снизился с 6.5 до 5.2, указывая на рост авторитарных практик. Под давлением административного ресурса могут находиться СМИ и судебные органы, а после попытки государственного переворота в 2016 году значительно расширились полномочия исполнительной власти в сфере национальной безопасности. Независимые опросы показывают, что 58% респондентов видят усиление персонализма в руководстве страны как главный риск для демократического развития.

В условиях, когда значительная часть решений принимается в узком кругу элиты, граждане могут испытывать дефицит доверия к официальным институтам, включая избирательные комиссии, судебную власть и правоохранительные органы. Подобная ситуация ведет к тому, что даже при формальном проведении выборов общественность сомневается в их честности и прозрачности.

Традиционная проблема клановости усугубляется тем, что реальные рычаги влияния гражданского общества ограничены в Азербайджане. Социологические исследования, проведенные в последние годы, свидетельствуют: лишь 30-35% граждан считают выборы подлинным механизмом смены власти, а оставшиеся респонденты полагают, что результаты в основном предreshены лояльными к власти структурами. При этом уровень явки на выборах официально высок (70-75%), что может объясняться как административной мобилизацией, так и отсутствием альтернативных политических стратегий.

У Турции ситуация несколько иная, поскольку турецкое общество имеет более длительную историю многопартийных выборов. Тем не менее, возникновение сильного президентского центра в 2010-х годах сказалось на доверии к избирательным процессам. По данным ряда опросов, около 45-55% граждан готовы признавать итоги выборов легитимными, однако в кризисные периоды (например, после 2016 года) уровень этой поддержки может снижаться до 40-45%.

Политический плюрализм предполагает конкурентную борьбу партий, независимую медиа-среду и активное гражданское общество. Однако в Азербайджане и Турции значительная часть ресурсов сосредоточена в руках правящей элиты, что ограничивает конкурентность политических процессов.

Несмотря на наличие оппозиционных партий и формально многопартийную систему Азербайджана, финансовые и медийные ресурсы в существенной степени контролируются государством. По оценкам независимых экспертов, до 70-75% телеканалов и ведущих информационных агентств связаны с правительственными структурами или бизнес-группами, аффилированными с властью. Функционирование гражданского общества осложняется административным давлением: неправительственные организации регистрируются с трудом, их финансирование может блокироваться, а активисты нередко сталкиваются с рисками уголовного преследования.

В течение последних десятилетий политическая система Турции демонстрировала относительную открытость для различных партий, включая исламистские, националистические и левые движения. Однако концентрированный контроль над средствами массовой информации, особенности избирательного законодательства и напряженная внешнеполитическая ситуация приводят к тому, что плюрализм во многом ограничивается конкуренцией вокруг правящей партии и нескольких основных оппозиционных блоков. Поляризация общественного мнения, усилившаяся с ростом влияния социальных сетей, еще более затрудняет создание широких коалиций и конструктивный диалог.

Одной из причин описанных проблем является слабая институционализация политических партий и элит. Зачастую партии строятся вокруг личности лидера, а не вокруг четкой идеологической платформы или устойчивых организационных структур.

После распада СССР и волны национального подъема в 1990-е годы сформировался ряд партий, однако их долгосрочное развитие и внутренние демократические процедуры остаются ограниченными. По статистике, лишь 20-25%

партийных активистов участвуют в регулярных партийных собраниях и выборах руководства. Большинство политических движений существует номинально, активизируясь в период выборных кампаний, когда доминирование правящей партии фактически не оставляет шансов на реальную ротацию элит.

В Турции существуют крупные партии с различными идеологическими позициями (например, светский кемализм, политический ислам, курдские национальные интересы). Тем не менее, каждая из основных партий в значительной мере зависит от личной популярности своего лидера. Показательно, что смена руководства в ведущих партиях часто приводит к радикальным изменениям их политического курса или ослаблению позиций. Такой персонализм в партийной среде затрудняет создание стабильной кадровой преемственности, особенно на региональном уровне.

Еще одним фактором, усугубляющим проблемы политического лидерства, является сложная кадровая политика, сопровождающаяся «утечкой мозгов». Молодые специалисты, получившие образование за рубежом или внутри страны, зачастую не видят перспектив для профессионального роста в условиях бюрократических барьеров и недостаточно прозрачных механизмов продвижения.

Высокая централизация власти, отсутствие независимых институтов и ограниченные возможности для карьерного роста в государственном аппарате Азербайджана ведут к оттоку квалифицированных кадров за рубеж. По оценкам независимых экспертных групп, ежегодная миграция молодых специалистов увеличивается на 15-20%. Это не только ослабляет интеллектуальный потенциал страны, но и лишает систему возможности обновления политической элиты.

Проблема «утечки мозгов» также актуальна в связи с нарастающей политической поляризацией. Сокращение академических свобод, давление на журналистов и ученых после 2016 года спровоцировали рост эмиграции в западные страны. Несмотря на то, что некоторые правительственные программы пытаются привлечь талантливую молодежь, сохраняются структурные барьеры, связанные с низкой прозрачностью кадровой политики и зависимостью от лояльности к действующей власти.

Совокупность перечисленных проблем (преемственность власти, авторитаризм, низкий уровень доверия к институтам, слабая институционализация партий и элит, «утечка мозгов») отражает комплексное состояние политического лидерства в Азербайджане и Турции. Общим для обеих стран является:

1. Персонализация власти, при которой лидер, обладающий харизмой и широкими полномочиями, влияет практически на все процессы принятия решений.
2. Низкая прозрачность процедур смены власти, что порождает сомнения в легитимности выборов и политических назначений.
3. Риск авторитарного уклона, подкрепленный историческими традициями и отсутствием действенных сдержек и противовесов.

4. Ограниченный плюрализм и недостаточная институционализация партий, затрудняющие демократическую конкуренцию.

5. Недостаточная адаптация к современным кадровым вызовам, особенно в сфере привлечения молодых специалистов и развития независимых экспертных сообществ.

Современные процессы, связанные с глобализацией мировых рынков, оказывают прямое воздействие на политическое лидерство в Азербайджане и Турции. Экономическая уязвимость, возникающая при падении цен на нефть (для Азербайджана) или при колебаниях глобального спроса на экспорт (для Турции), способна подорвать доверие к власти, так как лидер зачастую несет полную ответственность за результаты экономической политики.

Зависимость от экспорта энергоносителей (около 60% ВВП) делает Азербайджан более чувствительной к колебаниям мировых цен на нефть и газ. В периоды резкого снижения цен государственный бюджет сталкивается с дефицитом, а это ведет к сокращению социальных программ и росту недовольства населения. По статистике, в такие периоды рейтинг доверия к политическому руководству может падать на 20-25%. Руководители, ориентированные на авторитарный стиль управления, стремятся компенсировать экономические потери путем ужесточения внутренней политики и укрепления личного контроля над ресурсами, что усиливает авторитарные тенденции.

Турция, обладая более диверсифицированной экономикой, в меньшей степени зависима от одного сектора, однако ее уязвимость связана с хронической инфляцией (15-20%) и внешним долгом. Международные экономические санкции, конфликты и колебания в туристической отрасли также влияют на стабильность. По данным социологических опросов, около 63% граждан связывают экономические трудности с недостаточной гибкостью и эффективностью политического руководства. Неспособность лидера обеспечить устойчивый рост и сдерживать инфляцию приводит к падению легитимности, особенно в среде предпринимателей и городского среднего класса.

Глобальный переход к цифровым технологиям кардинально меняет механизмы политической коммуникации. Социальные сети, блоги и мессенджеры позволяют гражданам обмениваться информацией вне рамок официальных СМИ, что усложняет задачу властей по контролю общественного мнения.

Уровень проникновения интернета в 82% населения создает предпосылки для формирования «цифрового гражданского общества» в Азербайджане. Однако в условиях ограниченной свободы прессы цифровые ресурсы становятся ключевым каналом, через который оппозиция пытается донести свою позицию. За последние пять лет количество онлайн-петиций и электронных обращений к государственным органам выросло на 45%. Власти отвечают на это новыми формами контроля: наблюдается рост случаев блокировки оппозиционных сайтов и страниц в социальных сетях, что вызывает критику со стороны международных правозащитных организаций.

В Турции все обстоит несколько иначе, с 68 миллионами пользователей социальных сетей, где объем интернет-трафика до 320 петабайт в месяц, а социальные сети служат площадкой для политических дебатов, гражданских инициатив и даже организации протестных акций. Однако, после попытки государственного переворота в 2016 году власти усилили мониторинг интернет-пространства, приняли ряд законов, регламентирующих работу социальных медиа. Официально эти меры оправдываются вопросами национальной безопасности, но критики указывают на риски ограничения свободы выражения мнений и роста самоцензуры.

Политическое лидерство в Азербайджане и Турции неизбежно взаимодействует с внешними факторами: от интеграции в международные организации до участия в региональных конфликтах. Любой крупный внешний кризис способен повлиять на внутривнутриполитическую обстановку, вызывая либо консолидирующий эффект вокруг сильного лидера, либо, напротив, порождая критику его внешнеполитического курса.

Страна располагается в сложном геополитическом регионе, где не утихают споры вокруг Нагорного Карабаха, а также присутствуют интересы мировых держав из-за энергетического потенциала страны. По данным аналитических обзоров, около 65-70% политических решений в сфере обороны и безопасности формируются с учетом внешнего давления и необходимости поддерживать баланс между западными и российскими интересами. В периоды обострений (например, вооруженные столкновения в приграничных районах) уровень поддержки власти может временно возрастать до 70-75%, так как националистические настроения консолидируют общество вокруг действующего лидера. Однако долгосрочная перспектива требует поиска дипломатических решений, которые нередко приводят к внутренним разногласиям и расколу в элитах.

Турция активно участвует в региональных процессах на Ближнем Востоке, в Средиземноморье и на Кавказе. Страна сталкивается с проблемами, связанными с сирийским кризисом, потоками беженцев и спорными вопросами в Восточном Средиземноморье. На внутреннем уровне внешние вызовы могут оказывать двойное воздействие: во-первых, в период острых кризисов (конфликт с курдскими вооруженными группами, рост террористической угрозы) поддержка сильного лидера повышается; во-вторых, неудачи во внешней политике или экономические санкции (например, со стороны США или ЕС) снижают доверие к власти и провоцируют рост оппозиционных настроений.

Современные вызовы не ограничиваются только экономической или внешнеполитической сферой. Глубинные культурно-идеологические разломы, связанные с разным пониманием национальной идентичности, роли религии и традиции, оказывают растущее влияние на политику.

В Азербайджане сосуществуют различные этнические и религиозные группы, а также значимыми остаются родоплеменные и клановые связи. Данные полевых исследований указывают, что до 40% высокопоставленных чиновников имеют родственные отношения с теми или иными влиятельными семейными

кланами. Подобные связи осложняют формирование единой национальной идентичности, ориентированной на современный демократический проект. Более того, периодическая активизация националистической риторики по отношению к соседним государствам иногда используется властью для укрепления своего авторитета.

Турецкое общество разрывается между несколькими крупными идеологическими «полюсами»: светский кемализм, политический ислам, национализм и курдский вопрос. Поляризация усиливается вследствие резкого расхождения во мнениях по поводу того, в каком направлении должна развиваться страна – в сторону евроинтеграции или укрепления самостоятельной геополитической роли с учетом религиозных и исторических традиций. Цифровые платформы, хотя и создают пространство для дискуссии, параллельно способствуют формированию «эхо-камер»: сторонники разных взглядов редко вступают в продуктивный диалог, предпочитая усиливать собственные установки через узкоспециализированные каналы информации.

Демографический фактор также становится значимым вызовом: в обеих странах молодежь составляет существенную долю населения, а ее политические предпочтения могут существенно отличаться от убеждений старших поколений.

Часть молодого азербайджанского поколения, имеющего доступ к глобальным медиа и получившего образование за рубежом, склонна воспринимать современные западные ценности (демократические свободы, права человека, гендерное равноправие) как приоритет. Однако традиционалистские настроения в сельских районах, а также жесткое давление на оппозиционные движения в городах создают ситуацию, когда молодежь, не видя перспектив реформ, все чаще уезжает из страны. По официальным данным, уровень эмиграции среди специалистов до 35 лет растет ежегодно на 15-20%.

Молодая прослойка турецкого населения, особенно в крупных городах (Стамбул, Анкара, Измир), более открыта к современным либеральным ценностям и критикует авторитарные тенденции. Массовые протесты (например, события 2013 года в парке Гези) продемонстрировали готовность молодежи к коллективным акциям и использованию цифровых инструментов мобилизации. Тем не менее, в консервативных регионах Анатолии сохраняется сильная поддержка религиозно-ориентированных партий и лидеров, которые обещают стабильность и уважение к традиционным ценностям.

Помимо цифровизации общественной жизни, возрастающую роль играют вопросы кибербезопасности и технологических инноваций. Государства, сталкиваясь с ростом кибератак, должны инвестировать в разработку собственных средств защиты и формировать новые подразделения в правоохранительных структурах.

Усиление цифрового сектора предполагает не только возможности для экономического роста (IT-стартапы, электронная коммерция), но и риски хакерских атак, направленных на государственные учреждения и инфраструктуру. По данным экспертных организаций, число киберинцидентов в стране выросло на 30%

за последние три года в Азербайджане. Отсутствие полноценных правовых норм и специализированных кадров усугубляет уязвимость государственных систем. Нередко эта проблема переплетается с политическим контекстом, когда кибератаки могут рассматриваться как инструмент внешнего давления.

Турция активно развивает высокотехнологичные сектора, в том числе и военный (производство беспилотников, систем ПВО), что повышает ее авторитет на международной арене. Однако стремительный рост технологического потенциала сопровождается необходимостью защищать критическую инфраструктуру от киберугроз. Государство уже создало специализированные подразделения по кибербезопасности, однако эксперты отмечают, что высокая политизация вопроса и недостаточный уровень международного сотрудничества могут негативно сказываться на эффективности борьбы с киберпреступностью.

Таким образом, современные вызовы политическому лидерству в Азербайджане и Турции включают в себя:

1. Экономическую уязвимость, связанную с колебаниями мировых рынков и зависимостью от отдельных секторов.
2. Цифровую трансформацию, которая радикально меняет способы взаимодействия граждан и властей, создавая новые возможности для участия, но и усиливая риски дезинформации.
3. Международные кризисы и конфликты, влияющие на уровень поддержки власти и требующие эффективной дипломатии и военного потенциала.
4. Культурно-идеологические разломы и поляризацию – особенно заметные в условиях быстрого распространения социальных сетей и исторически сложившихся противоречий.
5. Демографические изменения, ставящие вопрос о роли молодежи и ее ожиданиях в отношении политических реформ.
6. Киберугрозы и технологический прогресс, требующие нового подхода к безопасности и развитию кадровых ресурсов.

Все эти факторы существенно усложняют задачу сохранения стабильного и легитимного лидерства. Они создают «требовательную» среду, в которой традиционные практики управления уже не обеспечивают должного уровня доверия и эффективности. Системное осмысление данных вызовов необходимо для выработки стратегий адаптации, что и станет предметом анализа в следующем разделе.

В контексте сравнительного анализа политического лидерства в Азербайджане и Турции можно выделить ряд общих тенденций:

1. Высокая степень централизации: в обеих странах существует традиция персонализма, когда около 70-75% ключевых решений принимается узкой группой лиц, хотя формально могут функционировать демократические институты.
2. Авторитарные практики: международные рейтинги политической свободы указывают на растущий контроль властей над СМИ, судебной системой и гражданским обществом.

3. Недостаточная институционализация: партии во многом зависят от фигур лидеров, а механизмы преемственности власти не всегда прозрачны.

Вместе с тем имеются и существенные различия:

1. Историко-культурные предпосылки: Азербайджан прошел через советский период, что наложило отпечаток на структуры управления (родственные связи в советской номенклатуре, перенятые в постсоветский период). Турция, наоборот, прошла собственный путь республиканских реформ Ататюрка, где военная верхушка долгое время играла роль «гаранта» светского и национального характера государства.

2. Степень политического плюрализма: в Турции многопартийность имеет более глубокие корни, тогда как в Азербайджане фактически доминирует одна правящая партия, и оппозиционные силы действуют в весьма сжатом пространстве.

3. Роль религии и национализма: в Турции политический ислам имеет значительную электоральную базу, тогда как в Азербайджане, несмотря на мусульманское большинство, религиозный фактор в политической жизни проявляется менее институционализированно.

Советское наследие продолжает определять политическую элиту Азербайджана, где доминируют выходцы из бывшей партийной номенклатуры или лица, аффилированные с ней по клановым связям. Независимость 1991 года открыла окно возможностей для демократизации, но уже в конце 1990-х стало очевидно, что государственный аппарат сохранил многие авторитарные черты, унаследованные от советской системы. Высокая концентрация власти подкрепляется доходами от экспорта нефти, которые позволяют финансировать лояльные структуры и ограничивать рост оппозиционного движения. Вместе с тем, цифровая трансформация и влияние западных ценностей (через образование, СМИ, интернет) постепенно формируют запрос на реформы, что выражается в растущем недовольстве среди молодежи.

Реформы Ататюрка заложили фундамент светской республиканской модели, однако периодические военные перевороты и кризисы (1960, 1971, 1980, 1997 и попытка переворота 2016 г.) указывали на то, что институты демократии не всегда функционируют стабильно. Начиная с 2000-х годов, в Турции сформировалась новая конфигурация власти, где лидирующую роль заняли религиозно-консервативные силы. Комбинация национализма, исламской риторики и стремления к экономическому росту под руководством сильного лидера придала турецкой политической элите специфический характер, где демократические институты существуют, но испытывают давление со стороны президентского центра.

При оценке степени авторитаризма следует учесть различные индексы и рейтинги, однако в целом можно констатировать, что:

- В Азербайджане средние значения индекса демократии колеблются в рамках 3-4 баллов из 10, а международные правозащитные организации отмечают высокие риски преследования оппозиции и ограничения свободы слова.

- В Турции в последние годы индекс демократии также снижался (с 6.5 до 5.2), что связано с усилением президентской вертикали, ограничениями для прессы и ростом политической поляризации.

Если сравнивать влияние элитных групп, то:

- В Азербайджане элита в основном формируется на основе кланово-родственных связей, связь элиты с гражданским обществом слаба.

- В Турции сохраняются крупные партийные структуры, которые обеспечивают относительную ротацию кадров, но роль партийных лидеров столь значительна, что партийная демократия нередко сводится к подтверждению их позиций.

Сравнительный анализ позволяет спрогнозировать несколько сценариев развития политических систем в Азербайджане и Турции:

1. Консервация авторитарных тенденций: при сохранении высоких доходов (в Азербайджане) и при наличии внешних конфликтов (в Турции) власть может усилить контроль, обосновывая это необходимостью стабильности и национальной безопасности.

2. Ограниченные реформы и «управляемая» либерализация: руководство может пойти на точечные уступки (расширение полномочий парламента, ограниченная свобода прессы) с целью предотвратить рост протестных настроений.

3. Возможные демократические прорывы: в случае существенных экономических кризисов или смены элит могут появиться условия для более глубокой модернизации и демократизации, однако в краткосрочной перспективе эти сценарии выглядят маловероятными без широкой общественной поддержки и международного давления.

Заключение. Совокупный анализ политического лидерства в Азербайджане и Турции показывает, что исторические предпосылки и современные вызовы формируют многослойную и противоречивую картину развития обеих стран. С одной стороны, наследие имперских и советских (для Азербайджана) институтов, а также реформ Ататюрка (для Турции), заложило фундамент для государственности, где большая часть власти концентрируется в руках узкой элиты или харизматичного лидера. С другой стороны, процессы глобализации, цифровизации и социально-экономических преобразований требуют от политических систем более высокой степени адаптивности и прозрачности.

Ключевые проблемы, выделенные в ходе исследования, включают сложность преемственности власти, ограниченный плюрализм, авторитарные тенденции и снижение доверия к механизмам легитимации. Современные вызовы, такие как экономическая уязвимость, поляризация общества, культурно-идеологические разломы, цифровая трансформация и международные кризисы, существенно усложняют функционирование политического лидерства. При этом

сравнительный анализ выявляет как общие тенденции (централизация, авторитаризм, проблемы институционализации), так и уникальные особенности (военная роль в Турции, клановые структуры в Азербайджане, различные форматы религиозного влияния).

Итогом работы становится понимание того, что исторические трансформации продолжают оказывать определяющее воздействие на современную политическую динамику, но сами по себе не могут объяснить сложившуюся ситуацию. В условиях глобальных изменений лидерам обеих стран предстоит искать новые формы легитимации, совершенствовать цифровую инфраструктуру и укреплять демократические механизмы, чтобы справляться с рисками авторитарного отката и внутренней дестабилизации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Абдуллаев Н.** Централизация власти и политическая элита Азербайджана // Вестник отечественной политики. 2022. С. 69.
2. **Алиев М.М.** Историко-политические предпосылки формирования политической элиты в Азербайджане // «Журнал Востоковедения». 2021. С. 76.
3. **Ахмедова Л.** Авторитаризм в политических системах постсоветского пространства // Вестник региональных исследований. 2020. С. 63.
4. **Гусейнов И.** Преемственность власти и трансформация политической элиты в постсоветском пространстве // Вестник современной политики. 2022. С. 58.
5. **Гусейев М.** Проблемы преемственности власти в Азербайджане: анализ современной политической динамики // Журнал политической социологии. 2022. С. 45.
6. **Демир С.** Персонализм в современной Турции: вызовы и перспективы // Anatolian Political Review. 2021. С. 87.
7. **Енсен Т.** Эхо-камеры и цифровая политика: новые тренды в Турции // Journal of Media and Politics. 2022. С. 115.
8. **Йылмаз Т.** Переход от монархии к республике: исторические корни турецкого политического лидерства // Turkish Studies Journal. 2020. С. 134.
9. **Карабагов А.** Геополитические вызовы и трансформация лидерства в Турции // Central Asia and the Caucasus: Journal of Political Studies. 2021. С. 132.
10. **Кемаль А.** Социальные медиа и политика: цифровая трансформация в Турции // Азиатский журнал коммуникаций. 2022. С. 156.
11. **Мирзоев Л.** Влияние международных кризисов на политическую элиту Азербайджана // Журнал международной политики. 2022. С. 88.
12. **Оздемир М.** Институциональная нестабильность и авторитаризм: современная Турция // Журнал политической теории. 2023. С. 101.
13. **Рахимов А.** Культурные традиции и политическая идентичность в Азербайджане // Журнал этнических исследований. 2022. С. 81.

14. **Рустамова Б.** Цифровизация и глобализация как факторы трансформации политической элиты // Известия международных отношений. 2023. С. 94.
15. **Садыхов А.** Цифровая трансформация и вызовы для политического лидерства // Журнал цифровой политики. 2023. С. 79.
16. **Селек М.** Национальная идентичность и лидерство в современной Турции // Международный журнал политической идентичности. 2023. С. 119.
17. **Топап З.** Проблемы авторитаризма и преемственности власти в Турции // Журнал сравнительной политики. 2023. С. 104.
18. **Эрдем З.** Модель лидерства в современной Турции: реформы Ататюрка и их эхо // Журнал сравнительной политики. 2023. С. 112.

A.A. KULIYEV

Postgraduate, Department of Comparative
Politics, Faculty of Humanities and Social Sciences, Patris Lumumba
Russian University of Friendship of Peoples,
Moscow, Russia

PROBLEMS AND CHALLENGES OF POLITICAL LEADERSHIP IN AZERBAIJAN AND TURKEY IN THE CONTEXT OF HISTORICAL AND MODERN TRANSFORMATIONS

This study is devoted to a comprehensive analysis of the problems and challenges of political leadership in Azerbaijan and Turkey in the context of historical transformations and modern global trends. The aim of the work is to identify the key factors influencing the formation and evolution of the political elite in both countries, as well as to assess the extent to which historical and cultural characteristics contribute to or hinder democratic development and institutional stability. The methodological basis of the study consists of comparative and systematic approaches, relying on the analysis of a wide range of academic publications, official statistical data, and materials from international organizations. The article sequentially examines the stages of the historical development of political leadership, its problems (succession of power, authoritarianism, institutional instability), and modern challenges (globalization, digitalization, foreign policy crises). Particular attention is paid to the statistical measurement of the concentration of power, the level of trust in leaders, and the degree of digital activity in society. The results of the analysis demonstrate that the combination of historical prerequisites and modern challenges forms unique models of leadership in Azerbaijan and Turkey which, despite a number of common features, possess their own specific characteristics.

Key words: political leadership, political elite, Azerbaijan, Turkey, authoritarianism, international relations.